

Помните у Маяковского: "Очевидцы — не шепелявьте!"? Честно говоря, и у меня уже не все в порядке с зубами, но, что поделаешь, исправить ситуацию — не по деньгам: ни в России, ни тем более в Америке. Поэтому тороплюсь рассказать эту историю сорокалетней давности, пока еще не расфокусировалась она в памяти и не потеряна членораздельность речи.

Мне этот спектакль кажется интересным уже по составу действующих лиц. Михаил Ромм и Александр ("Шурик") Шеллепин; Григорий Рошаль и Владимир Семичастный; бывший Председатель ЦК КПСС Петр Московский; Алексей Аджубей, Сергей Юткевич, бывший ректор Всесоюзного Института Кинематографии Александр Грошев, завкафедрой того же института Ростислав Юренев, многочисленные малоизвестные эгзисты и цекисты, виковские мэтры, наконец, сам мистер... Уолт Дисней! И — подумать только! — все вокруг моей малозначительной персоны!

Ну, а еще пьеса эта хороша тем, что имеет все-таки "happy end".

И уж если серьезно, история эта с точностью зеркала вобрала в себя свое время.

Ради того и рассказываю.

ПРОЛОГ (как и положено — короткий)

В 1954 году я заканчивал Воронежский университет по специальности "неорганическая химия". Избыток ли жизненных сил или, честно говоря, природная суетливость не оставляли времени думать о жизни. Я ходил в горы, играл в баскетбол, играл в драмкружке, сдавал прилично сессии, и — покраснев, признаюсь — был комсоргом факультета. В итоге за три месяца до получения диплома меня предупредили: "Есть мнение" оставить тебя в Воронеже освобожденным секретарем комитета комсомола всего Университета. Из этой информации, без тени раздумий и стыда, я уловил только, что остаюсь дома, с мамой, с друзьями, с девочками, с командой. А комсомол? Ну, так и Бог с ним, тем более, что я был вполне правоправный ленинец в свои двадцать два.

Но "человек предполагает" и так далее. В оставшиеся месяцы я защитил диплом и в качестве режиссера поставил самодеятельный сатирический спектакль на университетскую злобу дня. И хотя уже год прошел, как покинул нас Вождем и Учителем, расправа была короткой: спектакль был сыгран один лишь раз, последовала накачка, оргвыводы, и вместо комсомольской синектуры — "в глушь, в Саратов". Поделом!

Я уехал по распределению работать именно в Саратов, на завод щелочных аккумуляторов. Но урок не отрезвил меня, шлейф розового идиотизма тянулся вслед и опять я угодили в заводские комсомольские лидеры. И кто знает, как сложилась бы карьера, могла бы привести и в бонзы (невысоко, разумеется, все-таки Гуревич), но могла. Выручила давняя мечта о кино: в первый же отпуск я поехал поступать во ВГИК, единственный в стране государственный Институт кинематографии.

АКТ ПЕРВЫЙ (тоже короткий)

Как и должно было быть, к экзаменам меня не допустили: вы отработали только один год после Университета. Я взмолился: позвольте походить на экзамены "просто так". Милейший доцент с кафедры режиссуры, Сергей Константинович Скворцов, разрешил. Я получил привилегию от страха, размножая в тишине сортира шпаргалки для поступающих. Поступали к Довженко люди не просто одаренные — очень яркие, куда мне! Этот курс подарил миру, ну, скажем, Отара Иоселиани, а с Ларисой Шепитько с тех пор мы стали друзьями "на всю оставшуюся жизнь".

И все-таки я уехал с убежденностью, что не боги горшки обжигают. А тут еще осенью в Саратов явилась мосфильмовская съемочная группа "Первые радости". Я перешел на заводе в ночную смену и целыми днями болтался на съемках. Несомненно, это мне что-то дало, а главное, разожгло аппетит. Я скитался с фотоаппаратом по городу в непогоду и в солнце, снимая "жанр" (примерку бюстгалтеров) на базаре и "пейзаж" (дорожку на воде) на островах. В единственном теплом углу промозглой избы в Первой Пролетарской Слободе я ночами рецензировал для себя просмотренные вечерами фильмы. Теплом лучшей комнаты в избе пользовались лишь новорожденные козлята и я, постовой инженер, по праву приносящих в дом хоть какой достаток. Добрейшая Анна Ивановна по утрам всплескивала руками: "Опять они тебя обоссали! Меня-то ладно, но рукописи, нетленку!" Короче, летом 1956-го я снова отправился в Москву.

Курс набирал мэтр Григорий Рошаль. Сдавали со мной Лотяну и Богин, Арсенов и Любимов, Селезнева и Хамраев, другие, составившие потом среднее поколение отечественной режиссуры. Доцент Сергей Скворцов прочитал мои вступительные работы, припомнил меня и хмыкнул в седые усы, что прошлогодний визит пошел мне на пользу. Я сдавал прилично: 23 из 25 баллов. Нижний проходной был 21, и я ликовал. На мандатной комиссии мне, увы, сказали: вы только два года проработали после Университета, закон же обязывает три.

До сих пор не понимаю, что они думали, допуская меня к экзаменам: ведь в моих документах ясно было написано, что отработал два года. Конечно, лезло в голову, что это отговорка. А настоящая причина? Пятый пункт? Но приняла же и Богина, и Лифшица. Или для самого Григория Львовича был опасен перебор соплеменников-инородцев?

Так я и уехал, не солоно хлебавши. Ладно, "первый блин".

АКТ ВТОРОЙ (нормальной длины)

Хорошо, думаю, не мытьем — так катаньем. Достали мы с другом, инженером Борисом Петровым старенькую кинокамеру "Аймо" и организовали любительский кино клуб. Опекуну долго искать не приходилось: конечно, Обком Комсомола. Ко мне еще благоволили, тем более витали "ветры перемен": состоялся XX съезд. Меня как посвященного пригласили на полузакрытый актив, где избранным рассказали "все" о съезде. Боюсь трюизмов, но шок был нешуточный. Однако и тут в который раз проявилась моя розовость: побеждала вера, что теперь-то все будет иначе.

И впрямь Обком был деятелен и доброжелателен. Нашли какие-то деньги, привлекли Нижне-Волжскую киностудию, выбрали аппаратуру и пленку, стали снимать первый фильм. Мы размахнулись широко: не только снимать, но и играть театральные спектакли. Не только монтировать, но и сеять разумное и так далее. Группа самодеятельных критиков делала вступления перед сеансами в кинотеатрах, стали издавать машинописный журнал. На заседаниях Киноклуба бурлили весьма вольнодумные дискуссии: время-то какое было — оттепельное! Надежда нас манила и подкидывала удивительные подарки. Когда нас стало уже более 150 (молодые инженеры, врачи, юристы, журналисты, музыканты, актеры), когда всеобщий вождем кинолюбителей Г.Л. Рошаль публично поименовал нас "мой маленький ВГИК", когда был отснят наш первый (весьма

Леонид ГУРЕВИЧ

Это дело

посредственный!) документальный фильм — мы поняли, что совмещать все это с работой нельзя. Нужен специальный человек "на зарплате".

И судьба его подарила: пожилого, опасливого и трогательного техника по ремонту уличных автоматов с газированной водой. По фамилии... Дунаевский. Отсидев и срок, и ссылку, двоюродный брат любимого композитора Сталина получил "вольную за минусом Москвы" и окопался в Саратове. Срок (и немалый) он тянул за то, что будучи редактором Центральной Студии Документальных Фильмов в Москве, пропустил некий "ляп" в дикторском тексте киножурнала, посвященного гибели Кирова. Дунаевский все время говорил мне "нет" и "сломался", лишь посмотрев "Летят журавли". Поверил: "если сосед по койке в общежитии, Мишка Калатозов сделал такое невероятное кино, значит, времена изменились". Господи, каким виноватым именно перед ним чувствовал я себя потом, когда в начавшейся беде он едва унес ноги!

А тогда, в 1957 году, я вновь поехал в Москву и, сами понимаете, в победительном настроении. Три положенных для отработки года позади, я — Учредитель и Президент "маленького ВГИКа", отчего же не поступить в большой? Да еще к любимому Григорию Михайловичу Козинцеву.

Вот тут удар был жестокий. Я не прошел даже первого тура. Вылетел — с двойкой! Понять это было невозможно. Вероятно, я не стал лучше, но настолько хуже? Все тот же С.К. Скворцов в ответ на мое изумление как-то странно отводил глаза: "Что ж, мой друг, более сильная конкуренция". Козинцев, приехав на пару дней из Ленинграда, сказал, что вполне доверяет Скворцову, проводившему первый тур. Я был сокрушен. Худшая из бед — неверие в себя — властно прибиравала меня к рукам. Пора было выкинуть белый флаг и уползти в нору, может быть, бросив Саратов: стыдно. Но из Саратова пришла телеграмма: коллеги по лаборатории просила встретиться ее в Москве, она ехала в отпуск домой. Через день, когда мы с Эльзой ужинали на крыше гостиницы "Москва", она неожиданно заплакала. — Ты уехал, — сказала она, — а в лабораторию пришли ЭТИ. Они долго расспрашивали про тебя всех: и нас, и завлаба. Они знали, что ты поехал сдавать экзамены. И все мы пообещали "не разглашать".

Внизу по Манежной бежали автомобили, Эльза утирала слезы, а я вдруг почувствовал облегчение. Значит, не я слаб, а ОНИ только делают свое дело. Ну, дадут! Но я-то вроде ни в чем ИХНЕМ не замешан.

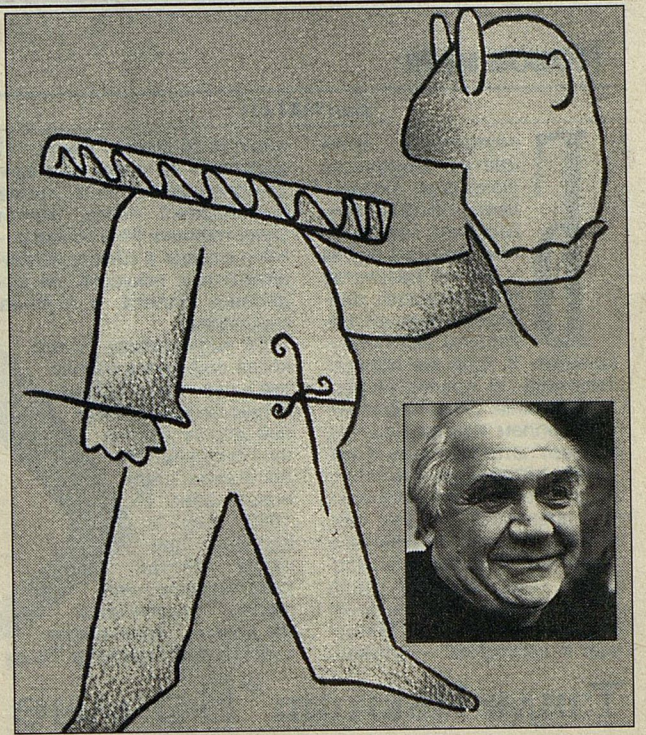
Да гори ОНИ огнем, потом разберусь! Я остался на пару недель в Москве и пережил сказочные дни своей жизни. Это было лето 1957-го, первый Международный фестиваль молодежи. Счастье раскрытых в мир дверей, праздник единения, доступные чужеземцы на улицах — не от них ли отразивались меня мои гзбшные пастухи? Зря старались, дни и ночи я в восторге болтался по улицам, ослепленный радостью и добром: это может понять только тот, кто отсидел свое за железным занавесом, тем более, что мне было всего 25.

А раз такое происходит, наконец-то, в нашей освобождающейся стране — то, дудки, куда я из Саратова не уеду. Я еще свое докажу!

АКТ ТРЕТИЙ (увы, не последний)

На заводе сделали вид, что ничего и не было. В Обкоме сочувственно похлопали по плечу: бывает, старик, через год сдашь. ЭТИ не появлялись. Значит, вперед, тем более, что рассусоливать некогда. Новый фильм запускать пора, спектакль ("Тень" Е.Шварца) на носу, а главное, — надо праздник устраивать. Нам генсек комсомола СССР почетную грамоту прислал. На красной с золотом плотной бумаге в гербах и флагах сам товарищ Н.Михайлов поздравлял киноклуб при Саратовском обкоме комсомола с выдающимся достижением: выходом любительского фильма "Наш фестиваль" на экраны страны.

Гулять — так гулять! Мы разослали приглашения, и тысячный зал Дома Культуры набился до предела. Мы подготовили кинопрограмму: фильм-герой дня, этюды-пробы наших киноактеров, художественный фильм на закуску. Но гвоздем программы должна была стать короткая мультипликация Уолта Диснея "Пляска скелетов". Прекрасная трехминутка, получившая главный приз Международного кинофес-

тиваля в Москве в 1935 году, гримасничая, ерничала по поводу кладбищенских страхов. С последним криком петуха скелеты в ней выбирались из могил, играли в мяч своими черепами, отплясывали джигу, играя на собственных ребрах, как на ксилофоне. А с петушиным утренняя клещем они в панике прятались в могилы, забыв по дороге бедные отставшие косточки, запоздало стучащие в надгробную плиту.

Зал хохотал, не подозревая, что присутствует при акте "пропаганды враждебной идеологии". Бомба взорвалась через два дня. Меня вызвали в Обком и объяснили всю глубину моего падения, всю меру "преклонения перед культом американских смертяшкиных". И тут же потребовали сообщить, где я добыл эти бациллы идеологической чумы. Сказать правду я не мог: эту трехминутку привез как трофей с войны, еще из Вены, фронтовой оператор, до недавней смерти служивший на Нижне-Волжской киностудии. На студии ролик перепечатали и показывали в каждое новогодие. На сторону не отпускали, мне сделали исключение, обязав не открывать источник. По сути, это было кинопиарство. Дисней мог потребовать отступного. Конечно, в те времена такая идея была смехотворной "липой", но люди опасались. И я дал слово сохранить тайну. Поэтому в Обкоме я в первый раз как-то отболтался. А потом пошел в библиотеку, разыскал некролог памяти недавно умершего режиссера и придумал легенду, что покойный, мой дядя, подарил мне злосчастный ролик. Когда прижали — я так и сказал.

Но я недооценил уровень провинциального идиотического ревения. Обком подключил КГБ. И там не пожалели времени, чтобы исследовать, на какой пленке был перепечатан, так сказать, освежен ролик. Уж и не знаю, сколько прилежных старлеев разглядывали в лупу футажные номера на пленке, перелистывали накладные саратовской студии, но крамола была выведена на чистую воду. К формулировке моего исключения из рядов ВЛКСМ добавилось: "и за обман комсомола". Крышку прихлопнули. Клуб разогнали (150 душ), на завод сообщили, и у меня не осталось иной дороги, как воевать за себя в Москве. Пожилые интеллигентные попутчики в вагоне поезда в ужасе рассказали мне и моему другу, что в Саратове над видом Киноклуба существовал бордель, да еще распространявший американскую идеологию. И — вообще! — заправляли всем евреями. Последнее, впрочем, было чистой правдой, сами же мы шутили по поводу "прежидиума" клуба. Кто знает, возможно, всеобщий "пятый пункт" и сыграл какую-то роль.

Видели бы вы, как разводили руками, прыскали, а то и хохотали признанные мэтры отечественного кино в Москве, когда я рассказывал им историю пострадавшего из-за Диснея молодого провинциала. Вдоволь отсмеявшись, и Ромм, и Юткевич, и Юренев сочинили прекрасные ироничные бумаги, сажавшие в лужу Обком. На этом фоне я легко проглотил реплику Григория Львовича Рошала: "Ничем не могу помочь, дорогой, фильм, действительно, с душком". Я понял, что мои противники опасны даже для корифеев, и смолчал. С хорошими письмами, собственным красивым послушным списком, грамотой ЦК ВЛКСМ подал аппеляцию в это самое ЦК, и был вызван на ковер. Сначала со мной знакомился молодой чиновник, ответственный за кино, Юрий Солдатенков, затем достаточно сурово беседовал сателлитом Николаем Месяцев, только недавно променявший на эту должность место следователя КГБ по особо важным делам. Собрав досье и "образовав мнение", меня переслали — к чести бюрократии весьма быстро — в высшую инстанцию. И там (не пугайтесь, ради Бога не пугайтесь, как говорил пушкинский Герман) "сам" Шеллепин, к тому времени сменивший Михайлова, в компании с "самим" Семичастным ("второй" плюс Зоя Туманова ("третий") встретили меня весьма строго.

Но тем не менее обнадружили, сведя все к тому, что "обманывать нехорошо". Признаюсь, дяденьки и тетеньки мне понравились, после думных саратовских вождей он гляделся столпами мудрости и гуманности. Благодарю судьбу, что она не одарила меня даром ясновидения и я не разглядел в благодетелях будущих председателей КГБ или секретарей ЦК КПСС — испуг, вероятно, лишил бы меня дара речи. "Езжайте и ждите вызова на Секретариат, нормально работайте", — отпустил меня с миром "железный Шурик", а ласковая "шестерка" Солдатенков, провожая по коридору, пожал руку: "видите, как все хорошо складывается, Леонид!"

Складывалось так себе. Клуб был разгромлен, на заводе друзья, разумеется, не отвернулись, но начальство косилось на "контур". Бедный Дунаевский сгинул, товарищи по клубу

З.К. 24

сыпали соль на раны в застольях. "Комсомольская правда" по нашей просьбе прислала в Саратов спецкора Юрия Зерчанинова "расследовать инцидент". Посидев с нами в застольях и вне, он посидел и в обкомовских, и в кагэбэшных кабинетах — с тем и уехал. Ни статьи, ни письма, ни слуха, ни духа.

Журнал "Искусство кино", приславший спецкоров М.Сулкина и Л.Фурикова еще в хорошие времена, оказался смелее: он опубликовал статью о саратовском киноклубе, как о существующем, правда, вымарав мою фамилию. Я же бомбардировал комсомольское ЦК письмами, но бюрократическая машина взяла реванш и глухо замолчала. Было ясно, что теперь-то точно надо расставаться с городом, друзьями, надеждами. Я уволился с завода. Куда же ехать? Конечно, вновь, в четвертый раз — во ВГИК.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ (кульминационный)

— "Береженого Бог бережет", — решил я и подал заявление на режиссуру научно-популярного кино. Во-первых, я "естественник", соответствующее образование, шансов больше. Конкурентов на это отделение меньше. В анкете на вопрос о членстве в ВЛКСМ я написал — "член", убедив себя, что раз дело находится на апелляции в высшей инстанции и никакого решения пока не принято — я еще "член".

Сдал экзамены я на этот раз успешнее всего: 24 балла из 25. Но 25 не было ни у кого. Практически, я должен был первым идти на мандатную комиссию. Я и пошел. И первым, кого я увидел, был сидевший рядом с ректором, милейше улыбающийся Юрий Солдатенков. Сердце мое екнуло. И точно: "Леонид, вот вы пишете, что являетесь

АКТ ПЯТЫЙ (наконец-то, последний)

Мы познакомились в коридорах ВГИКа. Ровесница, историк, по образованию, она тоже не устояла против заразительности ("заразности"?), киноинфекции. И тоже потерпела фиаско. Как говорится, они друг друга за муки полюбили. Инфекция оказалась стойкой, и жена сдавала экзамены и в следующем, 1959-м. Увы — вновь неудачно. Дальше действовал инстинкт равноправия: ты три раза не попал, а я только два. Где справедливость?

Короче говоря, в июле 1960 года я вез во ВГИК свою жену (первую) попытать ее счастья третий раз. Для себя самого я твердо знал: хватит. Во-первых, обидно. Во-вторых, кто будет семью пять лет кормить? Слово же "вез" следует понимать буквально, потому что я рулил через Молдавию, Украину, Белоруссию и Россию на старенькой "Победе", хозяин которой был рад после трудов праведных в археологической экспедиции отоспаться на заднем сидении. В Москву мы едва успевали за пару дней до конца приема документов, и посему, въехав в город, сразу направились во ВГИК.

Я ловлю себя на том, что в этой истории многократно красивых случайностей, похожих на литературные "понты". Но из песни слова не выкинешь: прямо на ступенях мы встретились с вышедшим из здания профессором Долиным. Оказалось, что он не забыл меня и тут же спросил: "Поступаешь снова?" — Нет, говорю, вот жена будет к вам поступать. — "А ты чего же? У тебя с этим... с комсомолом уже все в порядке?" — "В порядке". — "Ну, так и поступай!" — "Да я не готовился". — "А тебе и не надо готовиться, — польстил

мне профессор, — поторопись документы сдать".

Поторопился. Сдал документы. Сдал экзамены. 25 из 25. Ну, думаю, поздноовато в 28 лет, но все же добился. У жены 22 балла, но она, с направлением республики, точно проходит. Ладно, как-нибудь продержимся, заработаю.

Мандатная комиссия. Зовут жену среди других рекомендованных. Принята. Теперь пора мне. Но выходит секретарь: "У вас паспорт с собой? Поезжайте домой, привезите".

Согласитесь, даже у привычного человека сердце забарахлит или "крыша поедет". Я вез паспорт, понимая уже, что все кончено. Паспорт долго передавали из рук в руки, понимающе кивали. Ректор Александр Грошев заключил: в связи с отсутствием трудового стажа мы принять вас в институт не имеем права.

— Позвольте, за два года я напечатал 131 материал в 10 газетах Молдавии. Заработал такие-то деньги, гонорарная справка подшита к делу.

— Это не документ, у вас нет записи в трудовой книжке. — Так будет, завтра же.

— Поздно. Завтра выходит приказ о зачислении.

Ночным самолетом я прилетел в Кишинев, разбудил друга — сотрудника газеты "Культура Молдавии". Ночью он совершил невероятное: поднял редактора, достал печать, поставили запись в трудовую книжку. В 12.30 следующего дня я был в кабинете Грошева. Он посмотрел запись мельком и сказал: "Приказ уже подписан".

Взбешенный, я не сдержался.

— Послушайте, я же знаю, что дело не в этом! Вы смотрели в паспорте даты моей прошлой московской прописки, вы не берете меня тз-за той справки! А говорите — иное!

— Так вы поняли, в чем дело? — Ректор не повел и бровью: Как же вы, автор подлога, на что-то надеетесь?

— На 25 баллов из 25.

— Наш институт выпускает командиров идеологического фронта и бесчестному человеку нет в нем места.

— Помилуйте, — залезл было я. — Если я и совершил ошибку, то ведь ради мечты!

— Пока я жив, вы учиться во ВГИКе не будете, — блеснув очками, сказал негромко Александр Николаевич.

— Я буду обжаловать ваше решение!

— Не советую. Ищите других путей. — Он взял со стола номер журнала "Искусство кино" с моей первой публикацией. — У вас есть перо. Пробуйте.

...Вечером, собрав всех зачисленных студентов, профессор Долин выразил соболезнование моей жене, попросил ребят посочувствовать Леониду. Но бальзамом для меня стало лишь позднее злорадство: наверное, все же крепко выпали ректору за плохое хранение казенных бланков!

Я еще потрепыхался несколько месяцев, без прописки, в Москве, бездомной, слякотной, холодной. Жена училась. Я бегал по инстанциям, качал права, а ночами прятался или поил участковых водкой. Грошеву звонил Сергей Юткевич — напрасно. Я дошел до ЦК КПСС. Отец приятеля, секретарь ЦК Петр Московский, хохотал в роскошном кабинете на Старой Площади.

— Ну, ты даешь! Хорошо ты их провел! Зоя, иди послушай, какой парень интересный! — звал он даму из соседнего кабинета, и вполывала -о, Боги! — та самая Зоя Туманова из ЦК ВЛКСМ, сделавшая карьеру.

Не знаю, ее ли подтверждение, что я изначально порочен, или что другое, но секретарь ЦК не помог мне.

Не судьба — понял я. Хватит!

Был декабрь 1960 года. В мае 1962-го я уехал в Кишинев. А весной 1965-го привез в Москву для окончательного монтажа и русского озвучивания мой режиссерский дебют, полнометражный художественный фильм "Самая послушная". Достать тональные было трудно, директор выбил для работы учебную студию ВГИКа. Это был маленький триумф: "мой" курс еще доучивался, бродил по коридорам. Не только ректор, но любой педагог был для них неопровержимой персоной. А я, полныйправный и самостоятельный режиссер-постановщик, подписывал счета за услуги, предоставляемые мне институтом, отвергнувшим меня пять раз.

Ни за что не расскажу, к какому способу злодейской мести в часы ночных смен склоняли меня друзья!

Вместо этого мы просто закончили картину.

ЭПИЛОГ (без которого не обойтись)

Вместо сентенций и моралите ограничусь информацией о действовавших лицах. Михаил Ильич Ромм, автор известных фильмов о Ленине, пережил в годы оттепели духовное возрождение, создал замечательные ленты "Девять дней одного года" и "Обыкновенный фашизм", умер, очистившись перед собой.

Александр Шелепин, побывав у руля КГБ, оказался и секретарем ЦК КПСС, прослыл "леваком" и заговорщиком, и потерпел крах в дворцовых интригах, доживал на синекуре главы никчемных советских профсоюзов. А потом тихо умер в безвестности.

А вот его преемник во главе КГБ, Владимир Семичастный — один из немногих хрущевских "орлов", оставшихся в живых. Щедро дает журналистам разоблачительные и вполне либеральные интервью.

Не знаю, жив ли Николай Николаевич Месяцев. На самом вершине своей карьеры, на посту руководителя советского телевидения и радио он, по слухам, нерасчетливо поддержал "заговор Шелепина" и загремел... послом в Австралию. Там через пару лет недруги "подловили" его на флирте с гастролировавшей актрисой из России, и пропал НН. — неизвестно куда. Должен признаться, он был мне симпатичен, своей прямоотой, прежде всего. Думаю, и Шелепина он поддержал по вере, не конъюнктуры ради. У меня нет иллюзий: функционер высшего ранга не может быть Дон Кихотом. Но помню, как где-то в 1959-м, в киевском аэропорту Борисполь, я случайно столкнулся с ним в дверях. С ним была свита, но Председатель Гостелерадио почему-то остановился возле меня, невзрачного, скажем так, простолюдина: — "Леонид? Как жизнь, что делаешь?"

Я сказал, что журналист, в Молдавии, что в кино рано или поздно пробьюсь.

— Болтай только меньше! И друзей осторожней выбирай, — сказал бывший следователь.

— Чобы не стучали, бляди! Ну, пока!

По сию пору пережевываю я эту фразу. Видно, наступали крепко, если и Зерчанинов, известный ныне журналист, спустя тридцать лет рассказал мне, как страшили его в КГБ. Со знанием дела, видимо, стучали, если до 1987 года все мои попытки выехать в какую-нибудь "капстрану" даже в качестве туриста — лопались. Нет, не в легкомысленно веселящихся скелетах тут было дело и не сам я проболтался о вгиковской справке.

Увы, скончались и Сергей Иосифович Юткевич, и Григорий Львович Рошаль, и Сергей Константинович Скворцов, и Александр Николаевич Грошев. И видит Бог, как я благодарен первому и как не держу никакого зла на трех последних. С тех пор "фильм с душком" не раз показывали в разнообразных ретроспективах, я написал много-много публикаций в "Искусстве кино", а ВГИК, скажу для примера, заканчивает в этом году представительство враждебной американской идеологии Робин Хессман и ее студенческий фильм получает призы на российских кинофестивалях.

А вот с помогшим мне Ростиславом Николаевичем Юреневым, слава Богу, здравствующим и преподающим во ВГИКе, я сегодня, к сожалению, по многим вопросам не согласен и готов спорить. Естественно, сохраняя в душе благодарность за давнее участие во мне.

Алексей Иванович Аджубей с тех пор и вознесся и низвергнулся: судьба играет человеком! При всем том, он не потерял журналистского дара и, думается, принципиальность сохранил. В худшие его, опальные годы мы встретились случайно в редакции "Искусства кино". Зрительная память у него, видно, была не чета профессионалам.

— Леша, познакомьтесь, — сказала редактор — Леонид — наш постоянный автор по документальному кино, посоветуйтесь с ним (Аджубей прирабатывал на хлеб рецензиями в "И.К.).

Алексей Иванович любезно предложил поведать меня домой, путь в его "Волге" до Пушкино, где я жил, был долгим, мы успели обсудить его материал. А напоследок, после долгих раздумий, я все же напомнил о нашей первой встрече. Зря, наверное: Аджубей помрачнел и выразил сожаление, что не помнит.

А вот кому уж совсем не повезло — так это моему "доброжелателю" Юрию Солдатенкову. Он сильно продвинулся на ниве кино: стал директором 4-го (детского) объединения "Мосфильма". И в этом качестве поехал на съемки совместного советско-японского фильма режиссера Александра Митты. В Токио руководитель делегации пропал. По прошествии 2-х суток японская полиция обнаружила Солдатенкова... в борделе для мужчин. Реакция по Вассерману оказалась у него положительной. Это превысило пределы терпения даже номенклатурного клана. Солдатенкова разжаловали, но не в "простые топорники" — своих надо беречь — в некоего начальника по в весовой филоли